

Надзей, папов унук

Как не в каком чарстве, не в каком государстве, как жив поп, поп удов, и как была у ептаго папа доц яго радная. Ета, братиц ты, как ён бярёг яе, и как ён ни ездить куды у приход, ён завсягды вязець ей гастинцыки: що епта прихожани знаюць, що ёсь у нашаго папа доц и надабиць ей как-нибудь гастинцыка паслаць. И паехав ён у приход — верст за двенадцать дзеревня, ну, ета ён з прицастям паехав, и там ён прицастив цалавека; ну, ладна, и прибяргли яго воцинна харашо. Ну, ён и забыв, щобы гастинца доцки дали, ну, ён и сев з евтим и паехав дамов.

И едзиць ён па дароги, и гариць цалавецкая галава на дароги, и уся згарела, только попил ядин астаётцы. Ён было праехав, патом и уздумав: «Ще ж я праехав? Видзь цалвецкая галава гариць, дай я вазьму, у карман евтат папялок улажу́, связу дамов и пагрябу». Ну, узял ён у карман яго и усыпав, сев на́ лошады апяць и паехав дамов. Ну, прияджайиць к двару, и сувстрикаиць яго дб́цка, з лошады знимаиць яго; у яго забалела галава, видна з ветру, и яна спаць яго палажила на пярину. Ну, патом яна уздумала ета: «Ах, бацьюшка ж мой нябось гастинца привёз!» Яна и цап у карман; евтат жи папялок абаратився ларцыкам. Ну, ета яна выхвацила етат ларцык и кажиць: «Ну, ларцык! Харашо; а ня знаю, как яго атлажиць». Ну, вот яна выхвацила и лизнула яго и забяремнила. Кто носиць па нядзелям, а яна па часам; дайшло да таго уремя, що радзиць, и радзи́ла; ну, сийчас патом яго и ахрисцили, нарекли имя Надзей, папов унук.

Патом став росць етат маладзениц; хто расець па гадам, а ён па часам; шесць нядзель концылась — на вуличу к рябятам шулугу ганяць пайшов. Вдариць ён па шулуге, шулуга ляциць, только звижжеть; каму вдариць у нагу — нага проц, каму вдариць у руку — так рука проц, каму у галаву — галава проц. Ета атцы евтих дзяцей и приходзяць к свящельнику етаму, и приходзяць к свящельнику з прозьбай: «Бацьюшка! Ни пущайце свайго унука на вуличу гуляць к ребятам, больна много ён шкоды дзелаець». Каторый гавориць — майму галаву́ адарвав, другэй гавориць — майму руку адарвав; ни пущайце, гаворюць, бацьюшка, как можна.

Ну харашо, мог ён вуздержаць яго до самага лета; ён вырас парядашнай, и гавориць ён: «Ну, дзедушка любезнай, що ж мы будзим дзелаць-рабатаць?» Дрянно дзед яго узрадовався и гавориць: «Доц мая любезная! Слава табе

госпадзи! — гавóриць. — Дав бог наследницка какóга; бог паслав! И какéй хлапатнэй! Що я буду з ним дзелаць? Ну, станим рабатаць. Пóйдзим, — гавóриць, — унуцьк мой, ляда вывалим». — «Пóйдзим, дзедушка!»

И зайшли яны у балóта, и выбрали яны места такая припадобная. Дзед став нацынаць ель валиць, ён (внук) гавóриць: «Дзедушка, ты ня поцынай, меня бласлави». — «Ну, — гавóриць дзедушка, — унуцьк, бог цябе блаславиць!» Ён сийчас как náцав, как пóцав да как став валиць, адна лес трящиць; так сяканéць з яднагó бока тапаром, с другóго дзерива паляцела. Да двенадцатага часу ён вывалив палтары дясацины ляда. Дзед кажиць: «Нўжна сечь мéльця да жечь». А ён гавóриць: «Дзедушка, мы и так груддэ складзём».

У три дня ета ляда паспела сеяць. Узя́ли яны з дзедам и пасеяли, да врадзився ж авёс, так етакай авёс нисказáнной. Ну, павадзився в евтат авёс мядзведзь. Пасматрев поп, схадимши, ляда — много зъедзина авса. Приходзиць ён дамов, спрашиваиць унук: «Що, дзедушка, ти какаво наша ляда?» — «Дрянно́, унуцьк, харашо, тольки ж повадзилась какава-то дзикая лоша́дзь, дрянно́ ись и многа зьяну здзелала». — «Как так, дзедушка, сколько трудився я, а яна, евакая шельма, сколько зьяну надзелала!»

Пайду пакаравулю. Пайщи-тка мне кольки ни на ёсь пяноцки». Сев ён, звив аброць, паабедав, в лес пайшов. Приходзиць ён в ляда, и вдивився ён, удал добрай моладзиц: «Ах, бог мой, кольки шкоды здзелала, цирпець нивазможна!» — и сев ён сиред ляда на пни. Ну, и сидзиць: патом сийчас мядзведзь йдзиць з лесу, и пряма у авёс, и взнявся и паёнс авёс смуниць. Ён, добрай моладзиц, и вдивився: «Що ж ева за дива, я еваких лашадзей не видывав; що б ета за аказия такая, как яна авёс кастиць».

Ета падходзиць ён — мядзведзь — к няму близка, к самому ка пню. Мядзведзь ётага и ни внываиць, що цалавек стаиць; ён думаиць, що ета пень стаиць, и падходзиць к няму близка. Ён сийчас са пня, и цап яго за вўши, и схватив; ета схватив и притиснув к зямли яго. Мядзведзь думаиць: що такéй, и хацев паправитца; ну вуж пóзна ён яму и папясца ня дав, узяв яго етай аброттю забратав и дамóв повёв. И вёв ён яго дамóв, мядзведзь какава дзерива захващиць — з корним варощиць. Ну, и привёв ён яго дамóв, привязав сиред двара к сталбу и приходзиць у вызбу. «Ну ты, госпадзи, — гавóриць, — какава лоша́дзь, дзедушка, разъелась! Как я умарився, тянумши яе дамóв!» Дзед вышав на двор и вжахнувся. «Пасматри-тка, — гавóриць, — доц мая любезная, що твой сынок, а мой унуцьк здзелав» — и кольки время дзивавилися яны. Ён <внук> гавóриць: «Ни дзивуйцися, а гавóрбти, що мы

над етай лошадию дзелаць будзим, как яна сильна дужа, и що на ёй рабатаць?» — «Вази, — кажиць дзед, — унуцык, дрóвы».

Взяв ён етага мядзведзя и запрёг яго у цялегу, и панёс ён вазиць дрóвы на мядзведзю, и у три дня усе цыста загрузив, абклав кругом усё сяление. Етим прицетникам ни выйци, ни выихаць; усё загрузив цыста! И приходзяць ети прицетники к етому свящельнику и гавóрюць: «Дзе хоцьте дзеньте яго, щоб ён ня був; що ж ета за аказия, що у три дни усё сяло загрузив, ни выйци, ни выихаць никак нивазможна». — «Ах, доц мая, — гавóриць дзед, — що мы будзим дзелаць! Жалка табе сына, а мне унука; ну ж пóшлим яго, куды хош ён — туды и ступай!» Ну, призываиць ён к сабе унука и гавóриць: «Ну, унук мой любезнай, приходзяць прицетники з прозьбай; жалка мне цибе а ступай ты, унуцык, куда ты уздумав, на все цатыри стораны». — «Эх, дзедушка мой любезнай! Вы б давно и сказали мне ефта, я и пашов бы, никольки ня медлимши. Матушка мая любезная! Спяки мне каравашицку». Маць яго спякла яму каравашицку, улажила у хатомацку.

Вставав ён ранёшинька, вмывався бялёшинька. Узяв ён евту хатомацку, надзев яе на плечы, блаславився: «Матушка мая любезная и дзедушка мой радзимай, блаславице на пуць, на дарогу». Памалився ён богу и пашов, и вышав ён у цыста поля, и наставив ён ни пуцём, ни дарогай, и наставив ён лясам дрямуцым, грязям тапу́цым, и ишов ён семь дён без полдён, рот на апашку и язык наатмашку; вышав ён у тридзевятую землю, у тридзесятая чарства, и выходзиць ён у цыстая поля, у крутые горы, — и гуляиць Гарыня-багатырь и горы капком капаиць. Приходзиць Надзей, папов унук, к няму и гавóриць: «Бог помаць, Гарыня-багатырь! Куды какая в цибе сила нязметная. Как ты, — гавóриць, — гарам капаишь, как шулугу?» А ён гавóриць яму: «Эх, — гавóриць, — удал моладзиц! Ни вдвляйся ты маеи сили. В тридзевятай земли, у тридзесятм чарстви, — гавóриць, — как ёсь Надзей, папов унук, так у таго ня евтакая сила! Как привёв ён мядзведзя з лесу, да на мядзведзи усё цысто сяло загрузив. Яго, — гавóриць, — вóран кастёв ни заносиць, добрай маладой конь ни завозиць!» А ён гавóриць: «Ах, брат Гарыня-багатырь! Ни вóран кости заносиць, а сам добрай моладзиц заходзиць». А ён гавóриць: «Ах, брат, тык ефта ты Надзей, папов унук! Вазьми, брат, мяне у мяньшие братья». Ён яго и узяв, и яны многа хадзили, и многа багатырёв пабядзили, и многа гарадов захвацили; патом яны пажанились и багата жили.

(Записано в Ржевском уезде Тверской губ. священником С. Разумовским.)

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.